

Ник. ШПАНОВ

Рис. худ. Г. ХРАПАКА

Приключенческая повесть.

Где он был ночью?

Лето выдалось неуютное. Если бы не радостное настроение, царившее по случаю исторических победных дней, переживаемых страной, пребывание в городе могло бы вогнать в полное уныние. Неделя непрерывных дождей сменялась двух- и трёхдневными самумами, несущимися над городом жёлтыми тучами пещу, ворохами листьев, сбитых с деревьев хлещущими порывами ветра — то алойного, как в Африке, то такого холодного, что в середине июля нельзя было показаться на улицу без пальто.

Трудно сказать, кто из нас двух был прав: Кручинин, упрямо мёрзший на даче, или я, столь же упрямо глотавший московскую пыль. У каждого из нас были кое-какие преимущества, но каждый испытывал все недочёты избранной участи. Впрочем, самым ощутительным недостатком такой ситуации было то, что мы виделись не каждый день.

Правда, было и известное преимущество в том, что мы встречались не каждый день: я больше времени отдавал литературной работе, шаг за шагом восстанавливая похождения Нила Кручинина.

Тот, кому не доводилось бывать в моей роли — некоего вольноотпущенника при маленьком цезаре криминалистики, каким был в моих глазах Кручинин, — не может себе и представить наслаждения, какое испытываешь, шаг за шагом, ниточка за ниточкой восстанавливая ход мысли удивительного человека.

Я настолько уверовал в силу его анализа, что в тех редких случаях, когда попавшее к нему в руки дело решалось не так, как предсказывал Кручинин, я в своём дневнике оставлял его незаконченным. Мною всегда владела уверенность, что рано или поздно, под влиянием ли обстоятельств или по воле самого Кручинина, но такое дело будет перерасследовано, и тогда, говорил я себе, оно, конечно, решится именно так, как он предсказал.

Именно над одним из этих редких случаев я и сидел в одно июльское утро. Я старался решить вопрос: следует ли занести это дело в летопись кручининской жизни как нерешённое, или остаётся

верным себе и отложить его в уверенность, что рано или поздно оно снова всплывёт и будет доведено до конца? Должен признаться, что в решении отложить описание сыграла некоторую роль погода. Это был первый за две недели настоящий июльский день. Я с завистью думал о том, что именно в это время Кручинин, вероятно, лежит с книгой на берегу реки, решительно выкинув из головы всё, относящееся к обычной его деятельности.

Я захлопнул записную книжку и с особенным удовольствием отметил шелчок замка в футляре пишущей машинки. Решено: еду на дачу!

Через десять минут я был побрит, через пятнадцать одет и через двадцать поворачивал ручку двери, намереваясь на двадцать первой минуте забыть обо всём, что оставалось у меня за спиной. Но именно тут-то над моей головой и задребезжал звонок. Полагая, что это не кто иной, как запоздавший, по обыкновению, почтальон, я уже готовился произнести язвительную тираду об отсталости нашей связи, но, к своему изумлению, вместо розовощёкой почтальониши увидел перед собой Анну Саввишну Гордееву, мать одного из лучших друзей Кручинина, инженера Вадима Ивановича Гордеева, и его невесту — молодую, красивую девушку. Был уже назначен и день их свадьбы, но почему-то она не состоялась. Что расстроило свадьбу, я не знал, но знал, что это послужило причиной ссоры Нила с Вадимом.

Посещение женщины меня удивило. Сам я очень редко бывал у Гордеевых. Вадим был у меня раза два-три, и то, кажется, только вместе с Кручинным.

Анна Саввишна была маленькой живой старушкой, чистенькой, седенькой, ласковой, хлопотливой. Нынче такие старушки уже почти перевелись. Увидев меня, она поджала сухие губы, стараясь сдержать слёзы. Нина ласково взяла её под руку и поспешно ввела в квартиру. Едва переступив порог передней, Анна Саввишна опустила на стул и дала волю слезам.

Девушка стояла возле неё совершенно молча, положив ей на плечо свою не-

большую, но крепкую руку, и глядела куда-то поверх моей головы. Словно меня тут вовсе и не было. Однако она, по-видимому, меня достаточно хорошо видела. Вероятно, именно мой растерянный вид заставил её, не ожидая, когда успокоится старушка, объяснить причину их появления.

— Мы были у Нила Платоновича. Его нет. Нам сказали, будто вы знаете, как его найти.

— Но что же случилось?

Утерев слёзы концом кружевной косыночки, старушка пролепетала:

— Вадя... арестован.

Жизнь приучила меня ничему не удивляться, но тут и я не мог удержаться от возгласа удивления. Я знал Гордеева за очень скромного, трудолюбивого инженера, с головой погружённого в работу в своём научно-исследовательском учреждении. Он всегда производил на меня впечатление человека немного суховатого, крайне осторожного в суждениях, решениях и поступках. Временами эта сдержанность и самая его скромность производили на меня впечатление строгий продуманности. Я даже, помнится, как-то высказал Кручинину мнение о том, что считаю эту скромность Гордеева показной и что он представляется мне сухим карьеристом, тающим в глубине души большие планы на будущее.

— Побольше бы таких «карьеристов», — ответил мне тогда Кручинин.

Известие Анны Саввишны именно потому меня так и поразило, что я никак не мог себе представить, чтобы такой человек, как Гордеев, дал повод для ареста. Но раз таковой произошёл, то, значит, причина была и, вероятно, серьёзная. По пустякам у нас не арестуют. Однако ежели арест этот произведён не по уголовному делу, то едва ли есть смысл беспокоить Кручинина. Я знал его принципиальность в этом вопросе: Кручинин ни за что не нарушит своего обыкновения ни малейшим наёмком не влиять на ход дела. Разве только со стороны, в той мере, в какой это не нарушит никаких профессиональных тонкостей и не сможет оказать ни малейшего давления на его коллег, он станет наблюдать за делом, чтобы иметь возможность оценить правильность их действий.

Поэтому я, не боясь показаться нескромным, попросил Анну Саввишну рассказать мне всё, что она знает о деле. Увы, она не знала ничего. Именно это и приводило её в смущение. Не веря тому, что её Вадим мог совершить какой бы то ни было проступок, она была убеждена в ошибочности ареста.

Успокоив, как мог, старушку, я попытался получить дополнительные сведения у её спутницы. Но и она, по её словам, решительно ничего не могла добавить.

— И вообще, я так мало знала о жизни Вадима последнее время... с тех пор, как мы расстались...

Меня, естественно, заинтересовало: почему же она, несмотря на разрыв с женихом, оказалась здесь. Хотя я попытался задать интересующий меня вопрос, как мне казалось, обняв, Нина сразу поняла, к чему я клоню. Нисколько не смущаясь, она объяснила мне, что чувства её к Вадиму остались прежними или почти прежними. Она, конечно, очень обижена и даже подавлена его переменой к ней, но её не покидает вера в то, что он к ней вернётся. Тут я впервые узнал и истинную причину их разрыва: увлечение Гордеева какой-то совершен-

но неизвестной мне особой по имени Фаня Львовна Ляндрес. Нина попросту называла её Фаншеттой — не то именем, не то кличкой, под которой эта особа была известна в своём кругу. Нина не могла мне уверенно сказать, каково социальное положение Фаншетты. Она знала только, что эта женщина, соломенная вдова лётчика, живёт одна, живёт довольно широко и увлекла Гордеева настолько, что в последнее время он стал совершенно другим человеком.

Я уговорил женщин ехать домой и обещал сегодня же передать всё Кручинину. Не приходится сомневаться в том, что он не замедлит навестить Анну Саввишну. Сам же я поспешил в прокуратуру, чтобы навести справки, без которых Кручинин не сможет решить основной вопрос: вникать ли в суть дела?

То, что я узнал, ошеломило меня. Гордеев был основным подозреваемым по делу о покушении на ограбление того института, где он работал. Следователь, к которому попало дело, — не меньший друг Кручинина, чем сам Гордеев, — охотно поделился со мной всеми подробностями, какие знал. На первый взгляд, дело показалось было следователю совершенно ясным, но чем дальше он в него вникал, тем больше удивительных противоречий вставало перед ним. В общем оно представлялось в следующем виде.

Грабителями вскрыт один из сейфов. Грабители не нашли в нём ничего заслуживающего похищения. Здесь не было денег, а чертежи грабителей, видимо, не интересовали, они, как и прежде, лежали на месте. Вскрытие стальной двери сейфа было произведено, с профессиональной точки зрения, очень искусно, по способу, требующему затраты минимума времени и физических усилий.

Всё говорило о том, что ночные гастролёры были здесь люди чужие. Они орудовали вскрытием с мастерством опытных грабителей, но, по возможности, плохо ориентировались в стенах института: вместо денежного шкафа был вскрыт сейф с чертежами.

У промилы была своя манера работать. На это указывает не только вырезанный определённым образом замок сейфа, но и некоторые другие, второстепенные признаки, хотя бы то, что он светил себе не ярким электрическим фонарём, а обыкновенной стеариновой свечкой. Свеча — излюбленное средство многих опытных медвежатников. Они избегают пользоваться карманным фонарём, могущим отказать и в самый критический момент оставить громилу без света.

Итак, ночной гость, посетивший институт, пользовался свечой. На это указывали капли стеарина на полу возле шкафа и на самой дверце. В одном месте капли падали так густо и столько времени, что образовали толстую кляксу. Из-за этого-то стеарина ход мысли следователя неожиданно и повернулся в совершенно новом направлении: у налётчика был сообщник в стенах института, а может быть, даже сам налётчик был только техническим исполнителем плана, начертанного этим сообщником-вдохновителем.

Дело в том, что, когда следователь, почти буквально для очистки совести, так как внутренне был убеждён в ненужности этого шага, произвёл дактилоскопирование сотрудников института, он был пораждён неожиданным открытием: совершенно ясные отпечатки пальцев преступника, оставшиеся на стеариновых

пятнах, в точности соответствовали отпечаткам инженера Гордеева. Это было так неожиданно и так несурезно, что следователь сейчас же заподозрил, что Гордеев дотрагивался до стеариновых пятен, придя на работу, когда вместе с другими сотрудниками осматривал место преступления. Но Гордеев категорически отрицал это: по его словам, он не подходил к шкафу ближе других и, уж безусловно, к нему не прикасался.

Не настаивая на этом Гордеев так упорно, следователь, может быть, и не решился бы его арестовать. Но это категорическое отрицание в сопоставлении с тем, что Гордеев не мог или не хотел объяснить, где провёл ночь, в которую было совершено преступление, и, наконец, вторая серия его же впечатлений, обнаруженная на подоконнике окна, через которое бежал преступник, — всё это привело следователя к уверенности, что Гордеев причастен к преступлению.

Удивительным было то, что Гордеев, работающий в институте и хорошо знающий его порядки, мог так жестоко ошибиться шкафом и указать медвежатнику не тот, в котором хранились деньги. А к тому, что Гордеев охотился именно за деньгами, следователя привели дополнительные сведения, добытые о жизни Гордеева. За последний месяц образ жизни инженера резко изменился. Со времени связи с Фаншеттой он редко бывал дома, почти не давал матери денег на хозяйство, ссылаясь на денежные затруднения, и, действительно, почти постоянно нуждался в деньгах.

Следователь не видел ничего удивительного в том, что круг замкнулся именно так, как он замкнулся. Такого рода натуры, как Гордеев, насильственно сдерживающие свой темперамент либо из соображений карьерных, либо потому, что разум полностью владеет их поступками, однажды, когда распуск их изменяет под влиянием каких-либо внешних импульсов, вроде неожиданной страсти, вина и т. п., отпускают вожжи и уже не в состоянии бывают собрать их.

В общем, мнение следователя, по первым шагам, сводилось к тому, что в виновности Гордеева сомнений нет. Остаётся лишь узнать его сообщников.

С добытыми сведениями я с заключе-

нием следователя я помчался к Кручинину.

Я застал Кручинина в восторженном настроении. Он сетовал на то, что наше Мякинино — тем и милое, что оно не было засажено дачниками, — не по дням, а по часам теряет свою прелесть.

— Придётся покончить с подмосковными дачами, — сказал Кручинин, увидев меня. — Завтра же складываю чемоданы и еду куда глаза глядят. Ты со мною?

Хотя я и старался показать, будто ничего, кроме мелких городских новостешек, я не привёз, он сразу понял, что это не так. Словом, Кручинин уселся на пенёк и принялся скручивать папиросу. По всей его повадке, хорошо мне знакомой, я уже знал: он ждёт подробного рассказа. И мне ничего не оставалось, как рассказать всё, что знал.

Когда я окончил рассказ, Кручинин казался таким же спокойным, как всегда. Папироса дотлевала в его пальцах тоненькой струйкой синего дыма. Честное слово, можно было подумать, что он больше занят этим дымком, нежели моим рассказом.

— Что ты думаешь? — спросил он, наконец.

Я мог только недоумённо пожать плечами.

— Дружба Вадима мне очень дорога, — сказал он, испытующе поглядев на меня, — но значит ли это, что я должен вмешаться? Может быть, именно поэтому нужно отойти. Могут ли я с полной уверенностью сказать, что личные мотивы не сыграют никакой роли в моих выводах?

Я слишком хорошо знал Кручинина, чтобы колебаться в ответе.

— Ни минуты не сомневаюсь: если ты придёшь к выводу, что он виновен, никакие соображения не смогут повлиять на твоё решение.

— Может быть, это и так. Что же отсюда следует?

— Пожалуй, одно: ты должен принять участие в этом деле. Кто делает больше тебя для выяснения истины?

— Ради сохранения его дружбы?

— Нет, ради самой истины.

— Благодарю, но... не переоценивайшь ли ты мои силы?.. Знаешь, что?..

Я ждал, что будет сказано, но так и не

Мой маленький автомобиль уже мчался по московскому шоссе.

дождался. Он вдруг решительно зашагал к даче.

Вопросы были излишни. Я знал: мы тотчас отправляемся в город. Действительно, через несколько минут мой маленький автомобиль уже мчался по московскому шоссе, нещадно подгоняемый нетерпеливой ногой Кручинина.

Мы уже подъезжали, когда Кручинин спросил:

— Следователь говорит, что Вадим отказывается объяснить, где провёл ту ночь?

— Да.

— Ну, я заставлю его говорить! — энергично воскликнул Кручинин.

— И ты думаешь, что всё разъяснится?

— Думать я буду после того, как что-нибудь узнаю.

Я отлично понимал: в том, чтобы узнать, где был той ночью Гордеев и по-

лучить доказательства его алиби, — единственный шанс для опровержения доводов дактилоскопии, хотя тут следует заметить, что наличие следов Гордеева на месте преступления свидетельствовало против него сильнее самых авторитетных свидетелей. Нужны были очень веские, я бы сказал, абсолютно неопровержимые доказательства для того, чтобы спорить с дактилоскопией. Впрочем, я понял, что если Кручинину удастся выжать из Гордеева выгодное для него признание о том, где он был ночью, то, вероятно, Нил надеется доказать, что отпечатки на стеарине образовались после совершения преступления. Хотя, должен сознаться, я совершенно не представлял себе, каким путём можно это сделать.

Кручинин сошёл у прокуратуры, а я поехал к нему домой, где и провёл почти три часа в состоянии крайнего нетерпения, подогреваемого раздающимися каж-

дый час телефонными звонками Аины Саввишны.

Едва Кручинин отворил дверь, я не мог удержать сам собою сорвавшийся вопрос:

— Что он сказал?

Кручинин мгновенно смотрел на меня с недоумением, словно я и без него должен был знать всё.

— Он сказал, что не виновен, но о том, где был той ночью, — ни слова... Он воображает, будто я не узнаю это и без него. Одевайся!

— Послушай, я голоден. Давай пообедаем.

— Хорошо. Я поеду один.

Я поспешно схватил шляпу, и мы пустились к автомобилю.

— Куда же ехать? — спросил я в недоумении.

Последовало загадочное:

— Пока прямо.

(Продолжение следует.)

Ник. ШПАНОВ

Рис. худ. Г. ХРАПАКА

Приключенческая повесть¹

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ГЛАВ

Однажды в июльское утро на квартиру ближайшего друга Нила Платоновича Кручинина пришли мать Вадима Гордеева, Анна Саввишна, и его невеста — Нина. Они просят указать, где можно найти Кручинина, чтобы обратиться к нему за помощью: Вадим Гордеев арестован.

После ухода неожиданных посетительниц автор отправляется на дачу к Кручинину. Перед этим он побывал у следователя, рассказавшего ему о том, что Гордеев является основным подозреваемым по делу о покушении на ограбление института, где он работал. Дактилоскопирование сотрудников института доказало, что отпечатки пальцев, оставшиеся на стегариновых пятках, соответствуют отпечаткам инженера Гордеева. Гордеев же категорически отрицал, что подходил к сейфу или прикасался к нему. В то же время он отказывался сказать, где был в эту ночь. Кручинин отправляется в Москву.

ПЕРЧАТКИ НА РОЯЛЕ

Я с трудом сдерживал раздражение, повинаясь лаконическим указаниям Кручинина: «налево», «направо», «прямо». Точно он боялся сказать мне адрес?!

В конце концов мы остановились у большого нового дома в одном из переулков неподалёку от Бородинского моста. Также в молчании, минуя лифт, поднялись на несколько этажей и позволили.

Нам отворила женщина лет тридцати. Её можно было бы назвать красивой, если бы не невыносимая яркость искусственно окрашенных пережисью шодорода волос. Особенно резко бросалось в глаза несоответствие химической поправки, введённой этой дамой к краскам, отпущенным ей природой. Удивительно редкий и приятный розово-смуглый цвет её кожи был бы прелестен в рамке чёрных волос.

Я знаю: такие люди, как Кручинин, до конца владеющие своими эмоциями, умеют не поддаваться первому впечатлению, но для нас, обыкновенных смертных, первое впечатление бывает нередко решающим.

И вот, в те короткие мгновения, что я стоял на площадке лестницы, пока Кручинин представлялся химической блондинке, я успел с полной неопровержимостью установить, что никакие положительные качества, какие в будущем обнаружатся в этой особе, не смогут сделать нас друзьями. Как объект симпатии она была для меня потеряна раз и навсегда.

Узнав, кто перед нею, Фаня Львов-

на — это была она — сначала несколько смутилась, потом неподдельно обрадовалась. Оказалось, что она слышала от Вадима о его прежней дружбе с Кручининным и не раз горевала об её утрате. Она не решилась обратиться к Кручинину с просьбой о помощи, не будучи с ним знакома и понимая некоторую двусмысленность своего положения.

— Но можете ли вы себе представить что-нибудь более двусмысленное, я бы даже сказал бессмысленное, чем нынешнее положение Вадима? — возразил Кручинин.

Я не мог не заметить усилия, сделанного Фаншеттой, чтобы удержать наворачивающуюся в уголке глаза слезу.

— Вы правы... — сказала она дрогнувшим голосом. Повидимому, она колебалась, не решаясь задать какой-то вопрос, вертющийся на языке. Она отвернулась и несколько минут смотрела в сторону. Потом решительно и, глядя прямо в глаза Кручинину, спросила: — Что может спасти Вадима?

— Одно, — сказал он. — Доказательство того, что в ту ночь он не мог быть в институте.

— Только это?

— Да.

Она снова отвернулась, и по её движению, как ни старалась Фаншетта его скрыть, я понял, что она прижала к губам платок. Когда она опять повернулась к нам, её красивые, сочные губы слегка вздрагивали.

— Могу ли я быть с вами совершенно откровенной? — негромко спросила она.

— Должны... — сказал Кручинин решительно, но с той подкупающей мягкостью, которой умел развешивать языки

самым неподатливым людям. — Только при этом условии нам и стоит говорить.

— Вы понимаете: я замужем... Я не знаю, что делать. Вадим мне очень дорог... да, очень дорог. Сначала это было простое увлечение. Я думала, что это... так, роман. Но теперь я, кажется, должна для самой себя решить вопрос: то или другое?

— Да, такие вопросы нужно решать, как подсказывает сердце.

— Если бы я была уверена в том, что тут нет... чего-то нечестного: бросить мужа в такое время...

— Мне кажется, что Вадим попал в это положение... немножко и по вашей вине.

— Да, я не закрываю на это глаза. И отирание этого перед вами тоже не хочу.

Я начинал с уважением глядеть на эту женщину. Её слова, произносимые глухим грудным голосом: особенно мягкого задушевного тембра, производили на меня большое впечатление.

— Если я до сих пор ещё колебалась, то теперь готова... да, я скажу мужу всё... И как только Вадим будет на свободе...

Кручинин прервал её:

— Вам достаточно сказать, что в день ограбления института Вадим был здесь, у вас.

Она удивлённо вскинула на него взгляд своих больших лучистых глаз:

— Что вы сказали?

— Это будет алиби, которое поможет мне бороться с неопровержимостью следов у шкафа, — сказал Кручинин.

— Повидимому, я вас не так поняла, — с оттенком обиды проговорила Фаншетта. — Не хотите же вы, чтобы я сказала, будто он... провёл ту ночь у меня...

— Именно так и было.

— Как вы смеете! Я требую...

Но Кручинин перебил её:

— Вы же сами сказали: для вас всё решено. Вы рвёте с мужем.

— Но как же всё-таки я могу... солгать!

— В чём? — удивился Кручинин.

— Будто Вадим был здесь, когда он тут вовсе не был.

— Что?!

Кручинин с трудом сдерживал гнев.

Её можно было бы назвать красивой.

¹ Продолжение. См. № 1.

— Впрочем, — быстро сказала она, — если вы считаете, что эта ложь может спасти Вадима, я готова...

Кручинин с негодованием остановил её движением руки.

Считая, повидимому, вопрос исчерпанным, Кручинин перевёл разговор на другую тему. Мало-помалу беседа завязалась и скоро приняла, тот дружеский оттенок, который умел придать ей, когда хотел, мой друг. Я с удивлением смотрел, как тает во время этой беседы образ холодной львицы, который я создал себе, разглядывая Фаншетту, и как она становится простой, остроумной и умеющей расположить к себе женщиной. Право, глядя на них, трудно было поверить тому, что они видятся впервые. Когда ненароком выяснилось, что Кручинин остался без обеда, она, не слушая никаких возражений, отправилась на кухню и принялась за приготовление яичницы и кофе.

Да не посетует на меня читатель, я готов был упрекнуть Кручинина в бессердечности, когда через минуту понял, что его поведение, даже самое упоминание о голоде, было не чем иным, как ловким ходом, имевшим целью удалить хозяйку из комнаты и дать ему возможность без помехи произвести здесь подробный осмотр. Было совершенно очевидно: он ищет следы пребывания Гордеева. Он оглядывал каждый уголок, каждый предмет. Его особенное внимание привлекли валяющиеся на рояле светложёлтые мужские перчатки довольно несвежего вида. Он даже примерил было одну из них, но поспешно отбросил, заслышав шаги хозяйки. Через минуту он сидел на низеньком пуфе перед каким-то смешным турецким столиком и с аппетитом поедая глазунью, благоухающую кипящим сливочным маслом. За глазуньей последовала клубника с молоком, за клубникой — кофе. Кручинин ел так, как будто голодал неделю. Я с завистью глядел на него и прислушивался к урчанию собственного желудка. Мне было стыдно напомнить Фаншетте о собственном существовании, а она, по какой-то странной забывчивости, даже не предложила мне присесть к столу. Только поставив на стол кофе с халвой, она вдруг вспомнила обо мне. Несмотря на желание демонстративно отказать от угощения, я не нашёл в себе силы это сделать: я слишком люблю халву.

Поев и закулив, Кручинин несколько раз прошёлся по комнате. Его взгляд снова остановился на жёлтых перчатках.

Хозяйка тоже взглянула туда и, увидев перчатки, вскрикнула. По-моему, она даже испуганно прикоснулась к виску.

— Боже мой, — пролепетала она в полной растерянности, — боже мой!.. Мы с вами ищем доказательств его присутствия, а я и не знала, что они тут...

— Это его перчатки? — спросил Кручинин.

— Ну, да же, конечно, его, — обрадованно говорила она. — Он забыл их... — Когда?

— Не помню... Право, не помню.

— Во всяком случае не в ту ночь?

— О нет! Его же тогда не было! — с уверенностью воскликнула Фаншетта.

ПОКОЙНИК ПОСЕЩАЕТ ИНСТИТУТ

Мы молча спустились с лестницы, молча сели в автомобиль. Хотя это была моя машина, Кручинин без стеснения завладел рулём. Это может показаться парадоксальным, но я хорошо знаю, что за руль он садится именно тогда, когда хочет сосредоточиться. Я проверил и на себе: если сидишь рядом с водителем, то гораздо больше внимания обращаешь на то, что происходит вокруг, нежели тогда, когда сам сидишь за рулём. Тут всё внимание устремлено лишь на детали, определяющие направление и скорость движения, а руки и ноги совершенно рефлекторно, помимо мыслительного процесса, который может идти своим чередом, совершают движения, необходимые для управления автомобилем.

Кручинин обычно ездит осторожнее меня. Поэтому мы без особой спешки продвигались вдоль Неглинной. Примерно около Государственного банка нам предстояло обогнать трамвай. Место здесь узкое, и ежели возле тротуара

— Это его перчатки? — спросил Кручинин.

стоят автомобили, то едва остаётся полоска, чтобы проехать между ними и идущим трамваем. Когда Кручинин поровнялся с моторным вагоном, я не мог не обратить внимание на то, что происходило на его задней площадке. У меня был достаточно наметанный глаз, чтобы сразу опознать в двух парнях профессиональных карманщиков. Один из них, довольно искусно разыгрывая суетливого и неловкого пассажира, прижимал к перегородке какого-то хорошо одетого бордача с большим портфелем. Другой с наименьшей ловкостью — со стороны это бывает обычно лучше видно — залез в задний карман «объекта» и извлёк из него бумажник. Однако «объект» был, повидимому, человек чуткий. Он уловил что-то неладное и схватился за карман. Вор тут же допустил оплошность: он на полном ходу трамвая соскочил со ступеньки и... в следующий миг был под

колёсами заднего вагона. Сообщник вора, притискивавший пассажира, настолько растерялся, что, выскочив из вагона, не дал себе труда даже подобрать бумажник, обронённый попавшим под трамвай карманщиком. И тотчас исчез в толпе.

Мы с Кручининим — не любители такого рода происшествий и не стали здесь задерживаться. Проезжая, я успел только заметить, что нерастерявшийся пассажир, у которого похитили бумажник, довольно проворно выскочил из вагона и бросился к своему бумажнику, лежавшему возле самого трамвайного колеса.

Вероятно, я позабыл бы об этом мелком происшествии, если бы через день в получаемой Кручининим газете московской милиции не натолкнулся на заметку, сообщающую о том, что под колёсами трамвая погиб вор-рецидивист, ловко ускользавший от преследования уголовного розыска. По приведенной характеристике преступника я никак не мог предположить, что речь идёт о том самом карманщике, падение которого я видел. Но дата и часы происшествия сходились настолько, что ошибки быть не могло. Зачем этому ловкому специалисту по взлому понадобилось лезть в карманы пассажиров, оставалось неясным.

Повидимому, подобное же сомнение возникло и в милиции, так как были приведены точные данные идентификации личности преступника по дактилоскопическим отпечаткам, снятым с трупа. По этим-то отпечаткам и была отыскана карта покойного и с неопровержимостью установлена его личность.

Я показал эту заметку Кручинину.

Прошло дня три-четыре со времени этой беседы, когда однажды утром нас разбудил звонок следователя, ведущего дело Гордеева. Тоном совершенно обескураженного человека он просил Кручинина приехать немедленно. То, что мы от него услышали, способно было смутить кого угодно.

Нынче ночью филиал того же института посетили грабители. Снова вскрыт сейф и снова ошибочно — не тот, где хранились деньги; преступникам ничего не досталось. Они проявляют какую-то последовательную неосведомлённость. Её можно было бы принять за результат неопытности: отсутствует предварительная разведка.

Но обстоятельства вскрытия сейфа исключают предположение о неопытности, во всяком случае у непосредственного исполнителя вскрытия. Шкаф снова вскрыт очень искусно и тем же способом, что и в первый раз. Это убеждает следователя в том, что в обоих случаях действовал один и тот же исполнитель: предварительное насверливание отверстий вокруг замка произведено по траугольнику, точно совпадающему с первым. На краске сейфа остался даже след наложенного трафарета для сверла. Сомнений быть не может: операция произведена одной и той же рукой. И снова, как в прошлый раз, грабитель светил себе стеариновой свечой и снова ушёл через окно. И возле шкафа и на подоконнике стеарин носит следы пальцев преступника.

— На этот раз нам не пришлось дактилоскопировать работников института: в картотеке милиции оказалась карта нынешнего визитёра — вот она, — сказал

следователь и положил перед Кручинин-
ным дактилоскопическую карту.

Кручинин внимательно просмотрел
карту.

— Раз вам точно известна личность
визитёра, едва ли составит большой труд
отыскать его в Москве. Удивительно
только: неужели этот одесский Сёма
Кабанчик не нашёл способа сесть в тюрь-
му там, непременно ему нужно было идти
на верную посадку в Москве. Любитель
столичных тюрем?

Подумав, Кручинин добавил:

— Полная идентичность действий даёт
все основания предположить, что и в
первом случае сообщником Гордеева был
именно этот Сёма.

— Я сам так подумал, — сказал сле-
дователь, — но теперь знаю, что в ту
ночь Сёма был ещё в Одессе.

— Наверняка?

— Абсолютно точно.

— Сколько людей было, по-вашему,
пынцев?

— Пока не знаю... Сначала я думал,
что их было двое. Во-первых, проделан-
ная работа — едва ли под силу одному;
во-вторых, я нашёл на пыльном полу под
сейфом ещё вот этот след, являющийся,
по-моему, отпечатком перчатки, — вот... —
следователь положил перед Кручининным.

Кручинин взгляделся в положенный
перед ним снимок следа:

— Да, перчатка, — сказал он. — Пер-
чатки из свиной кожи. Итак?

— Итак, я подумал, было, что их
двое. Но потом убедился: Сёма, или
сёмино привидение, был в одиночестве.
На стенке, по которой спустился из окна
преступник, — только один след упирав-
шихся в неё ног.

— Как всегда две царапины? — спро-
сил Кручинин.

— Нет, он был в обуви на каучуке.
Никаких царапин. Просто след резины
на кирпичках.

— Ну, а откуда перчатки?

— Повидимому, сначала Сёма работал
в перчатках по рецепту какого-нибудь
американского детективного фильма, но

потом, не выдержав и махнув рукой на
все предосторожности, сбросил перчатки.

— Возможно. Удивительно всё-таки
невыдержанный народ.

— Погодите, — сказал следователь, —
сейчас вы удивитесь ещё больше, — и он
перевернул карту другой стороной. —
Поглядите на последнюю строчку био-
графии этого героя.

Лицо Кручинина отразило изумление.
Я не удержался от искушения поглядеть
через его плечо и... должен был пере-
честь эту строку дважды, чтобы пове-
рить тому, что не ошибаюсь: «умер под
колёсами трамвая при попытке бежать с
похищенным бумажником».

— Позвольте! — вырвалось у меня. —
Кажется, я сам видел, что это действи-
тельно так.

— Что именно? — удивился следова-
тель.

— Я видел, как этот Сёма летел под
трамвай.

На этот раз лицо следователя отра-
зило уже испуг:

— Вы видели?

— Ну, да же! Он попал под колёса,
соскакивая с площадки, где обработал
какого-то человека.

— Когда это было?

— Три-четыре дня назад.

— Да, мы были случайными свидете-
лями этого происшествия, — подтвердил
Кручинин.

— Тогда я ничего не понимаю, — по-
жал плечами следователь. — До этой
минуты во мне жила ещё надежда на
ошибку в регистрации смерти. Я полагал,
что мы ошиблись и списали в штат не того,
кто попал под трамвай. Выходит... — он
осекая и опасливо поглядел на нас обоих, —
выходит, что дактилоскопия врёт?

На этот раз пожал плечами Кручинин.
Все мы отлично понимали: может прои-
зойти всё, что угодно, только не нару-
шение законов дактилоскопии.

— Я даже в детстве плохо верил в
чудеса, — сказал Кручинин. — Советую
ещё разок проверить карту и оттиски

героя нынешней ночи. Может быть, в
НТО ошиблись?

— Я так и подумал. Велел изготовить
увеличенные снимки тех и других отпе-
чатков.

Следователь позвонил и приказал по-
дать фотографии. Перед нами положили
большие снимки с ясно видимыми мель-
чайшими деталями кожного рисунка.
Кручинин принялся с интересом рассма-
тривать снимки. Он делал это так же,
как Шейлок изучал, вероятно, свои со-
кровища. Он забыл обо всём на свете,
жадно вглядываясь в рисунки, и осто-
рожными штрихами отмечал в них совпа-
дения. Наконец, он выпрямился и, от-
бросив фотографии, рассмеялся. Мы гля-
дели на него выжидательно.

— Сомнений нет. Сегодня ночью в ин-
ститут приходил покойник, — сказал
он и обернулся ко мне: — Ведь ты сам
видел, как этот парень падал под ва-
гон?

— Да, — сказал я совершенно уве-
ренно. — Я даже видел выпавший у него
из руки бумажник и владельца, бросаю-
щегося к этому бумажнику с риском,
что и ему отрежет руку.

— Остаётся одна надежда... — сказал
Кручинин, снимая телефонную трубку.

Когда его соединили с научно-техниче-
ским отделом милиции, он спросил:

— Как вы идентифицировали лич-
ность Сёмы Кабанчика, погибшего под
трамваем три дня назад?

Его собеседник объяснил, что с паль-
цев трупа, извлечённого из-под трамвая,
были сняты отпечатки, по ним и была
установлена личность Сёмы.

Кручинин с разочарованием бросил
трубку.

— Я думал, что, может быть, они огра-
ничились документами плюс фотогра-
фические карточки, но если были сняты
дактилоскопические оттиски — крыть уже
нечем. Значит, Сёма действительно умер.

— Но также несомненно и то, что он
был ныне в институте! — воскликнул
следователь.

(Продолжение следует).

Ник. ШПАНОВ

Рис. худ. Г. ХРАПАКА

Приключенческая повесть *

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ГЛАВ: Однажды на квартиру ближайшего друга Нила Кручинина пришла мать Вадима Гордеева, Анна Саввишна, и его невеста Нина. Они просили помощи: Вадим Гордеев арестован. После ухода неожиданных гостей автор отправляется на дачу к Кручинину. Перед этим он побывал у следователя, рассказавшего ему о том, что Вадим Гордеев является основным подозреваемым по делу о покушении на ограбление института, в котором он работал. Гордеев категорически отрицал не только своё участие во взломе, но и то, что он подходил или прикасался к сейфу. В то же время он отказывался сказать, где находился в ночь, когда был вскрыт сейф. Кручинин с автором побывали на квартире приятельницы Кручинина — Фаншетты, увлечённой которой, Гордеев оставил свою невесту Нину. Фаншетта говорит, что она любит Гордеева, но упорно отрицает, что в ночь, когда было совершено преступление, Гордеев оставался у неё. Кручинин заметил на плечико у Фаншетты жёлтые перчатки свиной кожи. Фаншетта сказала, что это перчатки Гордеева, но когда он их у неё оставил, она не помнила. На пути от Фаншетты Кручинин и его друг были свидетелями того, как с вагона трамвая свалился жулик и погиб под колёсами вагона. А несколько дней спустя следователь, вызвав Кручинина, сообщил, что в институте снова был вломан сейф: дактилоскопия показала на сейфе отпечатки пальцев вора-рецидивиста Семьи Кабанчика, погибшего за несколько дней перед этим под трамваем. Кто же был в институте?

Инвентарный номер «3561»

В один из следующих дней Кручинин предстал передо мною с лицом именинника: Гордеев, наконец, признался в том, что был той ночью у Фаншетты. Не знаю, какими средствами Кручинин добился того, что столько времени не удавалось следователю.

Кручинин был очень доволен. Но, увы, его радость была недолгой. Фаншетта категорически отрицала правдивость показаний Гордеева.

И тут выяснилось ещё одно странное, на мой взгляд, обстоятельство. Когда Кручинин сказал Гордееву о запирательстве Фаншетты, тот был, повидимому, искренне обижен, даже возмущён. Кручинин предложил ему воспользоваться каким-нибудь доказательством, подтверждающим его присутствие у подружки:

— Взять хотя бы забытые тобою перчатки...

— Какие перчатки? — спросил Вадим.

— Твои перчатки жёлтой свиной кожи. Вадим посмотрел на него недоумённо.

— У меня никогда не было таких перчаток.

Мы долго говорили в ту ночь о Гордееве. Позднее, когда я уже стоял в передней, прощаясь с Кручининим, он вдруг задержал мою руку в своей и как-то странно поглядел на меня совершенно отсутствующими глазами.

— Что с тобой? — испуганно спросил я.

— Что? — спросил он, тряхнув головой, будто отгоняя какое-то видение. — Что ты сказал?

— Тебе нехорошо? О чём ты сейчас думаешь?

Он провёл рукой по лицу:

— Мне представилось, как этот пассажир бросается под трамвай в погоне за своим бумажником. Из-за нескольких сотен рублей человек способен рисковать собственной лапой!

Я не сразу понял, что речь идёт всё о том же случае с кражей в трамвае.

— Почему ты об этом вспомнил?

— Да... почему я об этом вспомнил? — Кручинин потёр лоб. — Ах, да, позвоника — пусть пришлют мне сейчас обе карты.

— Какие карты? — с удивлением спросил я.

— Ах, как ты не понимаешь! Конечно, карты этого самого Семьи Кабанчика. Обе карты: ту, что хранилась в архиве, и снятую с трупа после катастрофы.

— Но... сейчас третий час ночи.

— Неужели? — он недоверчиво поглядел на часы. — Да, действительно... Что ж, придётся поехать туда самому.

Через пятнадцать минут мы сидели в Уголовном розыске, и перед Кручининим лежали интересные его две карты. Но на этот раз он бросил один только взгляд на карты и обернулся ко мне:

— Ты ничего не замечаешь?

— А что я должен заметить? — осведомился я не слишком любезно, так как

больше всего в эту минуту мне хотелось спать.

— Десять и восемь, — наставительно произнёс он, поочерёдно указывая на лежащие перед ним карты. — На карте, вынутой из регистратуры, — десять отгисков, как и подобает двум лапам всякого обезьяноподобного; на следующей карте — отгиски трупа, вынутого из-под трамвая. Их восемь. Почему не сняли отгиски с указательного и среднего пальцев правой руки трупа? И почему на стеарине у вскрытого вторично сейфа — следы именно указательного и среднего пальцев?

— Почём я знаю? — раздражённо сказал я.

— А я, кажется, знаю... Садись и пиши: «Прошу эксгумировать труп Семьи Кабанчика». Всё!

К концу следующего дня я приехал к Кручинину.

— Тебе очень нужен труп Кабанчика? — Да, как можно скорей.

— Так вот... тело Кабанчика предано кремации.

— И всё-таки он от меня не уйдёт.

— Кто?.. Кабанчик?

Кручинин посмотрел на меня так, словно перед ним был не в меру любопытный человек, задавший вопрос, достойный младенца. Не дав себе труда ответить, он уселся за поданный обед.

Я прошу Кручинину все несправедливости и резкости, которые он позволяет себе в отношении меня. Я слишком люблю его. Но приняться за суп, вместо того чтобы объяснить другу всё по-настоящему, — право, бывают границы и моему терпению!

Я уже направился в переднюю и схватился было за шляпу, когда из столовой послышался ласковый окрик Кручинина:

— Эй, старик, брось глупости! Завтра на рассвете мы едем за раками. Твоим нервам нужен отдых...

Наутро мы уехали под Ногинск, где Кручинин знал уединённое местечко, изобилующее раками и отличающееся полным отсутствием двуногих, общества которых оба мы стремились теперь избегать.

Всё шло чудесно. Мы отдыхали: с утра залезали по пояс в воду в поисках раков, которых почему-то совершенно не было; варили на костре уху и ели гребневую кашу, пахнущую дымом. Вокруг нас — ни души. До ближайшей сторожки — по крайней мере три километра. Тишина стояла такая, что за два дня наслаждения ею можно было простить миру половину грехов. Вечером, когда солнцу оставалось пробежать до горизонта каких-нибудь пять градусов, Кручинин взял малокалиберку и отправился к заводу, где водились щуки. Он любил бить их из винтовки.

Прошло довольно много времени. Быстро темнело. Вдруг я услышал глухой удар выстрела. Это не был едва уловимый шелчок малокалиберки, звук которого от заводи сюда и не доносится. Я явно слышал глухой выстрел из охотничьего ружья.

Кто и во что мог стрелять в такую темноту?

Неожиданно вскрикнул где-то в камышах чирок. Что его разбудило в этот поздний час? Вот проснулся второй. Плеснула щука. Всё было не ко времени и странно. Эти неурочные звуки, начавшись в отдалении, всё приближались к тому месту, где была раскинута наша палатка. Вскоре я понял и причину этих пробуждений: кто-то шёл берегом, шёл неуверенно, словно плутая по незнакомой дороге. Временами этот странный путник

как будто даже соскальзывал с берега — отчётливо слышалось его тяжёлое шлёпанье по воде.

Я обошёл костёр и повернулся спиной к огню, чтобы лучше видеть.

Через какую-нибудь минуту я разглядел появившуюся из прибрежного ивняка тень. Эта тень двигалась медленно, неуверенно, пошатываясь. В нескольких шагах от пятна света тень остановилась и, покачнувшись, упала. Я подбежал и... узнал Кручинина.

Кручинин был ранен. Вся левая сторона его холщёвой курточки была залита кровью.

— Пустяки, — сказал он сквозь зубы. — Вероятно, несколько дробинок в плече... пустяки...

Но тут силы изменили ему, и он снова почти потерял сознание. Однако, когда я сделал попытку стянуть с него куртку, он жадно схватился за неё. Я думал, что причинил ему боль, но оказалось, что он попросту беспокоится о лежащей в грудном кармане куртки записной книжке:

— Осторожно... там пепел... бумага... пыж... Нужно сохранить.

Объяснять мне не нужно было. Я осторожно отложил в сторону его записную книжку, тщательно обернув её газетой. Я понял, что речь идёт о следе того, кто угостил Кручинина зарядом дроби.

К счастью, рана оказалась несерьёзной. Большая часть заряда прошла мимо. Две картежи засели в мякоти плеча.

Со слов Кручинина, чувствовавшего себя слабым, но вполне владевшего собой, я понял, что слышанный мною в сумерках выстрел предназначался ему. Кто стрелял, ему установить не удалось, так как в первый момент он лишился сознания. А затем, когда пришёл в себя, всё вокруг было уже тихо. Следы, которые ему удалось обнаружить, вели к реке. Они пролегли по прибрежному песку и к тому времени, когда он добрался до берега, были уже почти заматы водой. Единственно реальное, что Кручинину удалось обнаружить, был комочек полусгоревшей бумаги — пыж из заряда, посланного Кручинину. Ему удалось тщательно собрать этот комочек, так что можно было надеяться в сохранности доставить его в лабораторию.

Я быстро собрал наши пожитки, погрузил всё в автомобиль и, усадив Кручинина среди рюкзаков и свёрнутой валиком палатки, поехал в Москву.

Кручинин настолько владел собой, что, прежде чем ехать домой или в лечебницу, заставил меня: заехать в криминалистическую лабораторию, чтобы сдать на исследование остатки пыжа.

На следующий день, едва я появился в дверях его больничной палаты, куда его всё-таки уложили на несколько дней, он вместо приветствия крикнул:

— Как дела с пыжом?

— Есть надежда восстановить. Просили завтра заехать. Но уже сейчас с уверенностью можно сказать, что это комочек бумаги с печатным текстом, действительно употреблён вместо пыжа. Если бы бумага не была такой старой, он меньше подвергся бы действию горячих пороховых газов, и восстановить его не составило бы труда. К сожалению, ты немного повредил пепел, когда собирал.

— Попробовал бы ты аккуратно собрать его, когда в тебя только... всадили пару картежи, — усмехнулся Кручинин.

— Не спорю и не обвиняю, только констатирую.

— Если бы ты знал, как мне хочется знать этот текст! У меня нет, конечно,

никаких тому доказательств, но внутреннее чувство говорит мне, что этот выстрел имеет отношение к делу Гордеева.

— Неужели ты думаешь, они хотели тебя убить?

— Почти уверен.

— Значит, и Гордеев... — я не мог говорить до конца это страшное подозрение.

— Не знаю... пока ничего не знаю, — неопределённо пробормотал Кручинин, — как только лаборатория закончит работу — приезжай.

Назавтра я в точности выполнил этот наказ и, получив фотокопию реставрированного листка, помчался в больницу. По этой фотокопии можно было установить, что листок, использованный для пыжа, вырван из книги форматом в одну шестнадцатую, набранной обыкновенным латинским корпусом. Может быть, в верхней части листка, над текстом, и имелся колонтитул, — намеренно или случайно листок был вырван так, что колонтитул не сохранился. Только в нижнем углу листка остались цифры: с одной стороны

Эта тень двигалась медленно, неуверенно, пошатываясь.

137, с другой — 138. Это были номера страниц. Страниц какой книги?

Вот что можно было разобрать на листке:

«... — сильно заинтересованы этим трупом, — как сообщил мне много лет спустя один французский лейтенант в Сиднее... он прекрасно помнил дело «Патна... это дело удивительно противостояло забывчивости людей и всё смыывающему вре... в нём была жуткая жизненная сила, оно не умирало... Я имел удовольствие сталкиваться с этим делом годы спустя, за тысячи миль от места происшествия...»

... А ведь я здесь единственный моряк.

137»

Вот что представлял собою текст на первой страничке. На второй сохранилось следующее:

«.

... но если двое людей незнакомых друг с другом, но знающих о... тне», встретится случайно в каком-нибудь уголке...

(вся середина странички совершенно неразборчива)...

... — сказал он небрежно и в то же время задумчиво.

Да я легко мог себе представить, как трудно... на канонерке никто не говорил по-английски настолько, чтобы разобраться в истории, рассказанной серангом.

138».

На нижнем поле можно было различить слабый отпечаток библиотечного штемпеля. Увы, единственное слово, которое было в нём разборчиво, — «библиотека». Оно мало что могло сказать. Не больше говорил и инвентарный номер «3561».

Кручинин дважды прочёл с начала до конца весь текст и молча передал мне репродукцию.

— Что скажете?

— Наиболее приметно здесь слово «серанг». Оно с полной очевидностью свидетельствует о том, что книга переводная, о моряхках.

Казалось, Кручинин не обратил на мои слова внимания. Он поспешно вырвал у меня репродукцию и, взглядевшись в обе странички, написал на листке из записной книжки: «Пат... и ..тне».

Совершенно очевидно: взятые в качестве слоги представляют собой начало и конец какого-то названия... О чём может писать моряк, о чём может ему рассказывать офицер французской канонерки? Вероятно, о корабле. Судно называлось «Патна».

— Решительно не знаю такого судна. Никогда о нём не читал.

— Я тоже не могу припомнить, хотя где-то в закоулках памяти, по-моему, такое словечко у меня лежит. Фонетически оно мне знакомо. Придётся сделать вот что...

Я получил от него точную инструкцию, с кем из литературоведов следует познакомиться, чтобы попытаться установить автора книги. Два слова уже достаточно характерны: серанг и «Патна».

С этим поручением я и отправился в путь.

Следует заметить, что я забыл упомянуть ещё об одной важной детали, искусно восстановленной лабораторией на листке из неизвестной книги: довольно ясный отпечаток пальца, на котором линии кожного рисунка были перерезаны резким рубцом шрама. Шрам был довольно характерный — полукруглой формы, похожий на полумесяц. Работники лаборатории даже установили, что этот след оставлен не чем иным, как ореховым маслом. Все это было очень интересно, но, к сожалению, не могло иметь для нас никакого значения до тех пор, пока мы не найдём лазейки к владельцу книжки.

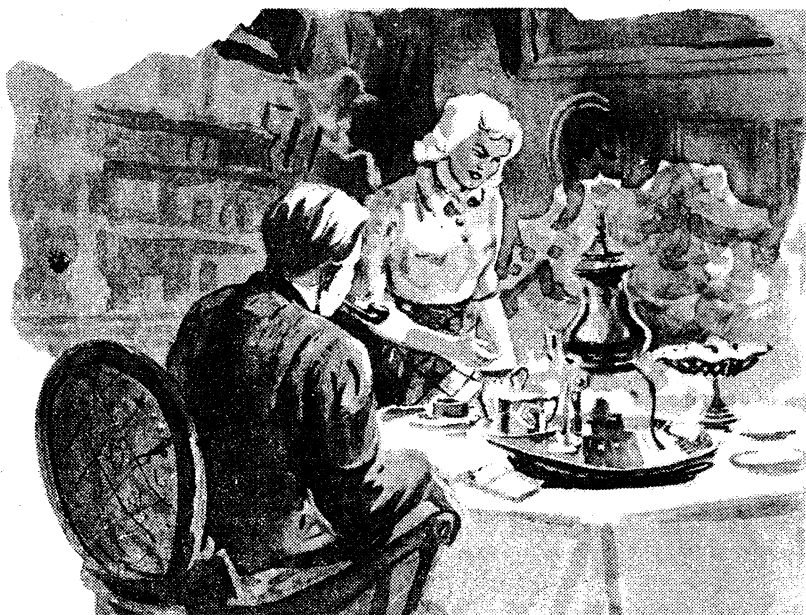
В поисках этой лазейки я безрезультатно ездил от одного литературоведа к другому.

В тот же вечер я позвонил Кручинину, чтобы сообщить о неудаче.

— Плюнь на литературоведов, — сказал он. — Мне кажется, что решительно ни у кого из иностранцев, кроме Джозефа Конрада, я не встречал слова серанг. Погляди, пожалуй, в «Энциклопедию Британика». А я тем временем пороюсь в Конраде.

Я прочёл в Британской энциклопедии длинную статью о Конраде. Упоминания о «Патне» не было и в ней.

Кофе с халвой были поданы мне одному.

С этим известием я приехал в лечебницу.

К моему удивлению, я застал Кручинина уже не в постели, а за столом, обложенного горой книг.

— Джозеф Конрад «Прыжок за борт», — безапелляционно произнёс он и, развернув томик, показал мне страницу. Я, действительно, увидел полный текст того обрывка, что было воспроизведено лабораторией из остатков пыжа.

— Это в десять раз лучше, чем если бы он вырвал листок из «Анны Карениной», — сказал Кручинин. — Наверно, Конрад достаточно редок в московских библиотеках. Ты без труда отыщешь те из них, где он ещё сохранился. Это и составит твою задачу на ближайший день.

К концу дня, совершенно отчаявшийся и измученный, я пришёл к выписавшемуся из больницы Кручинину и застал его в состоянии самого неподдельного нетерпения. Он встретил меня хорошо знакомым возгласом:

— Брось всё! Как можно внимательней обследуй библиотеку, которой мог пользоваться Гордеев и весь круг, из которого книга могла попасть к Фаншетте. Остальное неважно.

Итак, Фаншетта... На этот раз она приняла меня куда более любезно. Теперь я был центральной фигурой, и кофе с халвой были поданы мне одному. Наслаждаясь любимым лакомством, я мог вволю предаваться наблюдению за хозяйкой и исподволь подводить разговор к интересующей меня теме: что она читает и откуда берёт книги? К сожалению, она почти не обращала внимания на мои реплики и, трогательно волнуясь, закидывала меня вопросами о ходе гордеевского дела.

— Прежде я боялась того, что... у Вадима мало средств. Я привыкла не отказывать себе ни в чём. Муж хорошо зарабатывал. Но теперь решила: жизнь без Вадима — полжизни. Если нужно будет, я вернусь на работу, — помню её волю, она кокетливо склонила голову: — ведь у ме-

ня есть специальность — я гравёр и, говорят, неплохой...

Но вот, пришёл конец халве и моим осторожным расспросам. Я знал всё, что мне нужно: никого, кроме двух-трёх поэтов, она не читала; ни в какой библиотеке не абонирована; о Конраде никогда не слышала.

Первый пункт моего поручения был выполнен. Я перешёл ко второму. Для этого нужно было посетить семью Гордеева. Я уже говорил, что всего один-два раза бывал в этом доме, и должен признаться, что сейчас, посидев с Анной Саввишной и пришедшей к ней прямо со службы Ниной, пожалел о том, что так мало знал этот дом. Это была скромная, дружная семья, с тем спокойным укладом жизни, какой всё реже встречается в наши дни забот и нервной работы. К слову сказать, только теперь, ближе рассмотрев Нину и поговорив с ней, я по-настоящему понял, как Кручинин должен был переживать утрату этой девушки. Кажется, в этой девушке было всё, что могло сделать её подлинным другом и чудесной женой. Я уже не говорю о её внешних данных типичной русской красавицы с благородными чертами лица и сложным на затылке узлом тяжёлых русых кос. Всё в ней было к лицу, всё было в меру нарядно; пудра и губная помада оттеняли и великолепный цвет лица и красивые очертания рта. Что говорить, я с удовольствием глядел на эту девушку и от души жалел о неудачной любви Кручинина, глубоко и тайно любившего Нину, невесту Гордеева.

Незаметно пробежали несколько часов, проведённых у Гордеевых. Я мог ехать прямо в институт, чтобы покончить с нелепым предположением Кручинина, будто злополучная книга могла принадлежать Вадиму. Откровенно говоря, я не представлял себе, что это может дать следствию, даже если книга ему действительно принадлежала бы. Ведь скоро две недели, как он сидит в предварительном заключении и, конечно, никакого отношения к покушению на Кручинина иметь не мо-

жет. А впрочем... Не будет ли это значить, что покушавшийся на убийство Кручинина до ареста Гордеева имел с ним сношения? Не будет ли это значить, что сообщник, имя которого так упорно скрывает Вадим, гуляет на свободе, наблюдает за следствием и даже старается отделаться от того, чья работа ему наиболее опасна? К сожалению, это могло быть именно так.

Как я узнал от Нины, Вадим любил читать и пользовался двумя библиотеками: институтской, где он брал новые технические журналы и специальную литературу, когда она была ему нужна для работы, и в Доме инженера, где получал художественную литературу. Поэтому я начал именно оттуда. Библиотекаряша мне тотчас же сказала, что собрание сочинений Джозефа Конрада, действительно, было не так давно куплено библиотекой.

Но издание было совсем другого формата и содержание страниц 137—138 не сходилось с нашим. Другого издания Конрада в библиотеке нет и не было.

Я вздохнул с облегчением. Теперь я был почти уверен в том, что злостастный пыж не был сделан человеком, приходившим в соприкосновение с Гордеевым, или хотя бы из книжки, сознательно данной ему Гордеевым. Я был заранее уверен и в том, что в институтской библиотеке никакого Конрада никогда не было и нет.

С лёгким сердцем я помчался в институт и, само собой разумеется, никакого Конрада в каталогах не нашёл. Я для вида изобразил на лице огорчение и вернул библиотекаряше картотеку.

— Вы не нашли то, что вам нужно? — спросила она.

— Увы.

— Чем же вам помочь? — сказала любезная старушка. — А, простите, что вы искали?

— Джозефа Конрада, — сказал я совершенно машинально.

— Ах, беллетристика, — несколько разочарованно воскликнула она. — Так я посоветую вам обратиться в библиотеку нашего месткома. У них кое-что есть.

В этом «кое-что» звучала нотка не слишком обнадеживающего презрения.

Мне оставалось только поблагодарить и отправиться в другую комнату, хотя я и был убеждён, что делаю это напрасно.

— Конрад? — спросила меня уже совершенно иным тоном юная библиотекаряша месткома. — У Конрада много вещей. Говорите, что вам нужно?

— «Прыжок за борт».

Девушка сделала глубокомысленное лицо, затем исчезла и через несколько минут решительно заявила:

— Книга утрачена.

— Что значит утрачена? — спросил я.

— Это значит, что она не возвращается абонентом и вычеркнута из инвентаря. В общем вам это всё равно. Книги нет. Берите что-нибудь другое.

Девушка говорила величественно-презрительно. По её мнению, вопрос был исчерпан. Пришлось предъявить своё удостоверение, потребовать сообщить мне имя абонента, не вернувшего книгу. Этим абонентом оказался... инженер Гордеев.

— Инвентарный номер «3561»? — спросил я с последней искрой надежды.

— Да.

(Продолжение следует).

Ник. ШПАНОВ

Рис. худ. Г. ХРАПАКА

(Приключенческая повесть *)

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ГЛАВ

Близкий друг Нила Кручинина Вадим Гордеев арестован. Гордеев является основным подозреваемым по делу о покушении на ограбление института, в котором он работал. Гордеев категорически отрицает не только своё участие во взломе, но и то, что он подходил или прикасался к сейфу. Он сознаётся, что был в ночь взлома у своей возлюбленной — Фаншетты, увлечённой которой, он оставил свою невесту Нину. Фаншетта говорит, что она любит Гордеева, но отрицает, что ночь, когда был произведён взлом, он провёл у неё. Кручинин заметил на роле у Фаншетты жёлтые перчатки своей кожи; женщина уверяет, что эти перчатки принадлежат Гордееву. Несколько дней спустя сейф был взломан вторично. Дактилоскопия показала на сейфе отпечатки пальцев вора-рецидивиста Семьи Кабанчика, погибшего за несколько дней перед этим на глазах самого Кручинина под колёсами трамвая. Во время загородной поездки на охоту Нил Кручинин был ранен выстрелом из ружья. Стрелявший скрылся. На восстановленных обрывках бумаги, из которой был сделан пистолет, удалось различить инвентарный номер книги — 3561 — и текст. Оказалось, что книга «Приманка за борт» Дж. Конрада с инвентарным номером 3561 была взята в библиотеке Вадимом Гордеевым.

ФАНШЕТТА

На следующий день мы с Кручининным не виделись. Открытие того, что книга действительно принадлежала Гордееву, очень огорчило Нила. Он никого не принимал. Даже меня. Только через день я, наконец, попал к нему и застал его в самом мрачном настроении. На столиках, креслах, возле постели валялись разбросанные книги самого различного жанра и содержания. Это значило, что Кручинин хватается за всё в поисках успокоения и не находит его. Он встретил меня не очень ласково:

— Где ты пропадал?

— Сидел дома.

— Почему ты не пришёл вчера?

— Ты же сам сказал по телефону, что мне лучше не приезжать.

— Я тебе это действительно сказал? — Он пожал плечами, но я-то отлично знал, что это — игра. Ему попросту совестно за вчерашнее поведение; он делает вид, будто действительно машинально сказал.

— Хочешь халвы? — неожиданно спросил Кручинин.

— Никогда не отказываюсь.

— Так поедем к Фаншетте.

Я беспрекословно отправился в переднюю. Скажи я, что не еду, он поехал бы один.

Через двадцать минут мы стояли перед дверью с медной дощечкой «Линдрес» и тиснетно нажимали кнопку звонка. Повидимому, Фаншетты не было дома. Нам оставалось только уйти. Мы были уже на середине марша, спускающегося к следующему этажу, когда дверь, наконец, приотворилась на длину пачки и послышался знакомый голос Фаншетты:

— Кто там?

Через пять минут мы сидели в той же комнате, которую я дважды видел.

— Слышу звонок за звонком. Чувствую, кто-то свой, и ничего не могу сделать... сижу в ванне, — шептала Фаншетта. — Теперь я должна вас покинуть, чтобы привести и себя в порядок. Не могу же я оставаться в таком виде. — С этими словами она кокетливо приподняла полу лёгкого халатика.

Мы остались одни. Повидимому, это как нельзя больше устраивало Кручинина. Не теряя времени, он принялся за детальный осмотр комнаты. Я знал: Нил отлично помнит всё, что видел здесь в первый раз. Теперь его глаз тщательно регистрирует изменения, происшедшие с того времени. Тут же с неясной для меня быстротой в его мозгу происходит аналитическая работа: исследование возможных причин происшедших изменений, немедленное отбрасывание в бездну, незапоминание всего неинтересного и твёрдая фиксация каждой мелочи, могущей дать малейший повод для предположений, идущих к делу.

Хозяйка, подобно каждой женщине, уделил туалету достаточно много времени. Кручинин мог не спешить. Он действовал методически, дюйм за дюйм подвигаясь вдоль стен, оглядывая каждую безделушку, поднимая некоторые из них, как бы примеряя, так ли им следует стоять. Около маленького столика, на котором стояла хрустальная мухоловка старинного фасона, явно антикварного происхождения, он несколько мгновений задержался, поманил меня и молча указал на этот смешной старомодный прибор. Я видел, как мечутся под хрустальным колпаком мухи, как те из них, что не нашли выхода вниз, к приманке, завлекшей их в западню, бьются в воде, уже погло-

тившей изрядное количество жертв. Но, честное слово, я решительно не понимал, какое отношение всё это может иметь ко мне.

Раздосадованный моей непонятливостью, Кручинин тихоно сказал: — Спрячь эту приманку. Она мне понадобится.

Только тут я заметил, что вместо обычного сахара под мухоловкой лежит кусочек халвы. Я быстро выполнил приказание, продолжая, однако, не понимать, какой интерес для нашего дела может представлять мушиная приманка.

Между тем Кручинин так же методически продолжал осмотр. В комнате и во всей квартире царила мёртвая тишина. Просто трудно было представить, что женщина может производить так мало шума.

Кручинин закончил осмотр и остановился над роялем, вглядываясь в чёрное зеркало его полированной крышки. Его лицо отразило мучительное напряжение мысли. Происходило то, что редко случается с Кручининным, — так редко, что наперечёт мог бы вспомнить такие случаи, — он торопился найти какое-то решение и не находил его. Его взгляд ещё раз обжег комнату, задержался на... мушкетёре Фаншетты. Кручинин схватил её и, слегка трянув пушок над крышечкой рояля, подул на образовавшийся тонкий слой белой пыли. На чёрном фоне рояля остался характерный рисунок капиллярных линий. Их пересекал резкий шрам в виде полумесяца.

Кручинин выпрямился и, потирая руки, подошёл к раскрытой клавиатуре. Он, видимо, собирался что-то сыграть, но рука его повисла в воздухе, и два пальца, приготовившиеся что-то схватить, жадно протянулись к клавиатуре. Его лицо, вся фигура, каждый палец высоко взлетевшей руки — всё отражало торжество. Указательный и большой пальцы были крепко сжаты, хотя, как мне казалось, в них решительно ничего не было. Лишь подбежав вплотную к Кручинину и приглядевшись, я различил то, что он держал с таким торжеством, словно это был славный трофей трудной битвы: короткий волос. Я вынул из кармана лулу и пригляделся.

— Из бороды седеющего шатена, — сказал я.

— Верно, — подтвердил Кручинин.

Где-то в отдалении хлопнула дверь, и по комнате пронёсся порыв сквозняка.

— Не удержали, — насмешливо пробормотал Кручинин.

— Что?

— Дверь вырвалась из рук и затворилась громче, чем они хотели.

— Кто?

— Не знаю.

Он приложил палец к губам и настороженно прислушался. В доме царила всё та же мёртвая тишина. Подозрение мелькнуло у меня в мозгу: по каким-то, пока ему одному понятным, следам Кручинин пришёл сюда, чтобы поймать Фаншетту на месте преступления. Но она разгадала это и... ловко ускользнула...

В следующее мгновение в комнату вошла Фаншетта, благоухая пьянящим ароматом каких-то крепких духов...

Хозяйка набросилась на Кручинина с жадными расспросами о деле Гордеева. Она повторила ему то, что я слышал от неё прошлый раз, об её намерениях в отношении Вадима. Мне неожиданно при-

* Продолжение. См. № 1, 2 и 3-4.

шло в голову, что именно такой поворот дела мог бы как нельзя более устроить Кручинина в части его личных дел. Ведь, если бы Гордеев действительно женился на Фаншетте и окончательно бросил Нину, то рано или поздно она вернулась бы к Нилу. А я по всему видел, что он только этого и хочет.

— Нечаянно я стёр всю пыль с перил на лестнице. Нельзя ли вымыть руки?

— Конечно, — услужливо сказала Фаншетта. — Идёмте.

Я понял, что Кручинин отправился на обследование квартиры. Раз он выбрал именно такой предлог, как мытьё рук, значит его интересовала ванная комната. Очевидно, нужно было проверить, действительно ли Фаншетта брала ванну, когда мы звонили, и постараться найти следы обладателя седеющей бороды, неосторожно хлопнувшего дверью. Я терпеливо ждал их возвращения, делая попытки самостоятельно осмотреть комнату и обнаружить что-нибудь ускользнувшее от внимания Кручинина. Но, разумеется, я не нашёл ничего достойного внимания. Попытавшись сопоставить видимое ныне с тем, что видел в двух прошлых посещениях, я не мог отметить решительно никаких перемен.

Первым вернулся Кручинин.

— Сейчас мы получим по чашке чая с клубникой, — сказал он и, помолчав, как бы невзначай, добавил: — Трудно предположить, чтобы за десять минут ванна могла высохнуть так, чтобы не осталось никаких следов купанья, да и температура в ванной комнате совершенно такая же, как везде... Кстати, когда ты был тут прошлый раз, перчаток на рояле уже не было?

Только тут я заметил, что жёлтые перчатки, которые в первое посещение примерял Кручинин, действительно исчезли. Как же я не обратил на это внимание? Но увы, я не мог дать Кручинину ответа. Напрасно старался я припомнить, видел ли их тут в прошлый раз. Эта деталь прошла мимо моего сознания. Похвастаться было нечем.

Стоит ли говорить, что в таких обстоятельствах, когда я знал, что Кручинин больше не верит Фаншетте и поймав её на лжи, предложенный ею чай с клубникой доставил мне весьма сомнительное удовольствие. Кручинин тоже отнёсся к нему без особенного энтузиазма. При первом удобном случае он сказал:

— Кстати о перчатках! Они могут сыграть существенную роль в судьбе Вадима, а следовательно, и в вашей собственной.

Остатки выщипанных бровей Фаншетты взлетели на лоб.

— Перчатки?.. Какие перчатки? — с искренним удивлением спросила она.

— Жёлтые перчатки свиной кожи.

Она недоумённо пожала плечами.

Если это удивление не было искренним, то было разыграно с большим искусством.

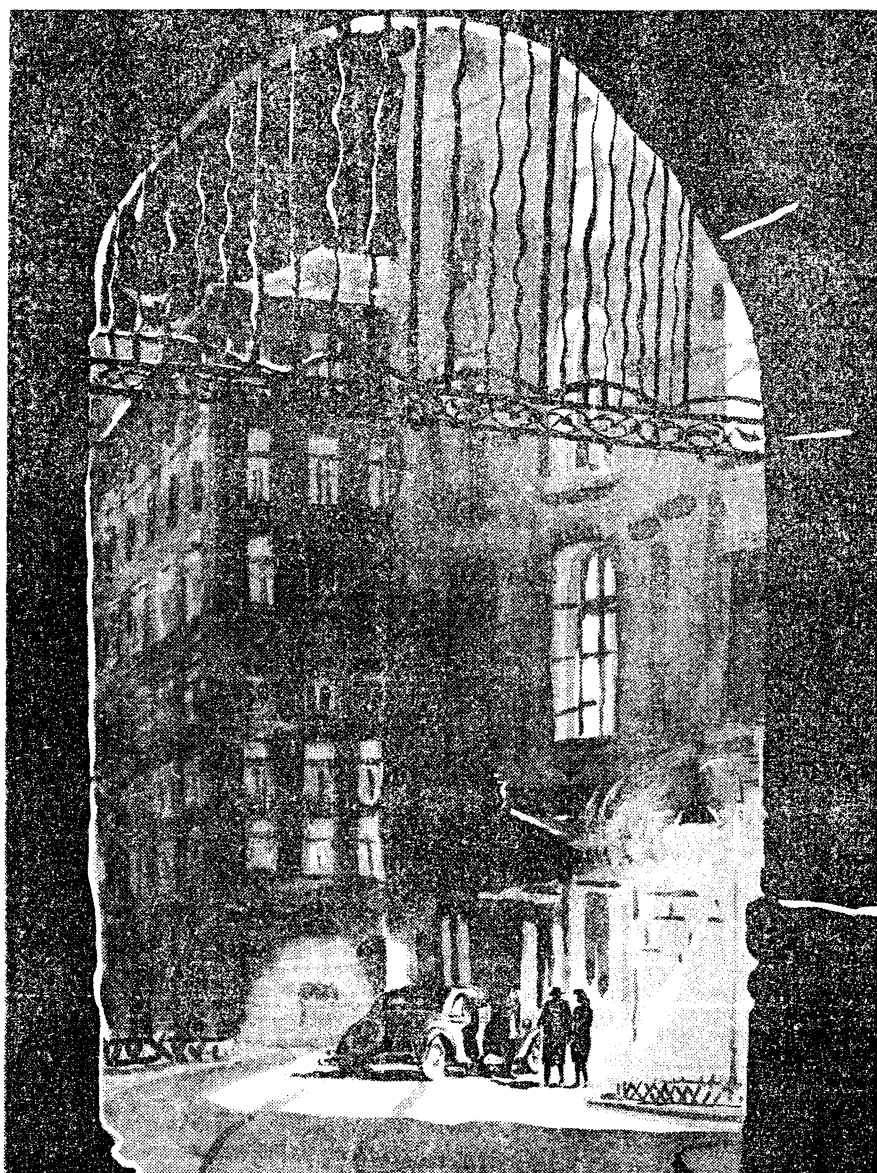
— Те, что лежали у вас там, — Кручинин показал на рояль.

— Ах, эти! Да, да, помню... — вспомнила она, — но... он взял их.

Если бы у меня были более слабые нервы, то я, вероятно, слетел бы со стула: сидящий в тюрьме Вадим взял перчатки?

На Кручинина это заявление произвело, повидимому, не меньшее впечатление, чем на меня.

— Вадим взял их? — спросил он.

Дом на Мясницкой, куда мы приехали, был действительно большой.

— Нет, нет, конечно, не Вадим. Это оказались вовсе не его перчатки.

— Не его?.. А чьи же?

— Это были перчатки... моего брата.

— Ах, вот как!.. Он был у вас? — спросил Кручинин с таким видом, словно наличие этого брата вовсе не было для него неожиданностью.

— Мы с ним редко видимся, — сказала Фаншетта. — У него работа, из-за которой он очень много ездит.

— А где он служит?

— Не знаю, как называется это учреждение. Как-то чудно. Эти сокращённые названия, знаете ли, не для меня. Я никогда не могу их запомнить.

— Я, кажется, знаю вашего брата, — сказал вдруг Кручинин, пристально глядя ей в глаза. — Даже знаю, что он шатен, что он носит бороду и что борода эта уже седеет...

На этот раз она не могла скрыть удивление.

— Откуда вы... знаете?

— Я вот только не знаю: в Москве ли он сейчас?

— ... Неделю тому назад он был тут.

А теперь, не знаю... Я давно его не видела.

— А простите за любопытство: когда вы последний раз играли на рояле?

— Я играю почти каждый день.

— И сегодня?

— Да... Но... — она запнулась и сдвинула брови, — мне не нравится этот допрос.

— Допросы вообще мало кому нравятся, — усмехнулся Кручинин.

— Можно подумать, что вы... мне в чём-то не доверяете.

— Что бы вы сказали, если бы я предложил вам проехать...

Не нужно было быть очень наблюдательным, чтобы заметить, как напрялось всё существо Фаншетты, какого труда ей стоило не выдать своего волнения в ту минуту, которую длилась расчитанная пауза Кручинина.

— Куда? — спросила она едва слышно.

— К брату. Я хочу, чтобы вы нас познакомили.

— Зачем?

— Мне кажется, он может сказать кое-что очень ценное по делу Вадима.

— Они даже не были знакомы, — поспешно сказала она.

— И тем не менее...

— Если вы так хотите, — сказала она, всё ещё колеблясь... — Я сейчас узнаю, дома ли он. — Она потянулась к телефону, но её рука встретилась с лежащей на трубке рукой Кручинина.

— Сделаем ему сюрприз неожиданным появлением, — с улыбкой сказал он.

— У нас с ним... не такие дружеские отношения, чтобы...

— Ничего... Одевайтесь.

— Я всё-таки позвоню.

— Право, не стоит.

— Я не очень твёрдо помню его адрес. Давайте спросим его хотя бы о номере квартиры, чтобы не плутать по подъездам, — настаивала Фаншетта. — Там огромный дом. Такой большой, масса подъездов... Хотите ещё чаю?

— Одевайтесь.

— ... Почему вы не даёте мне позвонить? Вы в чём-то мне не доверяете...

— Я вам? — Кручинин рассмеялся. В искусстве притворяться он мог поспорить

со своей противницей. — Звоните, если вам так хочется.

Пронизало это, Кручинин вдруг замер на диване, где сидел. Перед тем он проявлял совершенно несвойственную ему суетливость. Его руки двигались за спиной, где он, повидимому, пытался скрыть их от внимания Фаншетты. А тут вдруг совершенно успокоился.

— Что ж, звоните, — повторил он с видом полного равнодушия. — Только не думайте, что я вам в чём-то не доверяю.

Фаншетта сняла трубку и набрала номер.

Через её плечо я следил за пальцем, бегавшим по диску, и запомнил набранный номер.

— Макс?.. Это ты, Макс... — спросила она в трубку. — Я сейчас приеду. Со мною товарищ Кручинин... Макс... Ты слушаешь?.. Алло, Макс... Не то нас развели, не то он бросил трубку, — с досадой произнесла она, вопросительно глядя на Кручинина.

— Наверно, ему не понравилось то, что я увязался за вами, — с улыбкой сказал Кручинин.

— Ну... почему же, — проговорила она смущённо.

— Как вы думаете, он меня знает? Вы ведь не объяснили ему, кто такой Кручинин?

— О, кто же не знает Кручинина!

— Может быть, позвонить ему ещё раз, чтобы он нас дождался?

— Нет, не нужно, — уверенно сказала она. — Я ведь сказала, что мы сейчас приедем.

— Одевайтесь.

— Я готова. Шляпа не нужна. Вы ведь в машине?

— Да.

Волнение, с которым она не могла справиться несколько минут тому назад, сгинуло полным спокойствием.

— Так поехали? — с улыбкой сказала она, подходя к машине.

Машина плавно скользила по влажной от дождя мостовой.

Дом на Мясницкой, куда мы приехали, был действительно большой.

(Окончание следует).

Ник. ШПАНОВ

Рис. худ. Г. Храпка

Приключенческая повесть¹

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ГЛАВ

Близкий друг Нила Кручинина Вадим Гордеев арестован, как основной подозреваемый по делу о похищении на ограбление института, в котором он работал. Гордеев категорически отрицает не только своё участие во вломе, но и то, что он подходил и прикасался к сейфу, ибо в ночь, когда был проведён влом, он находился у своей возлюбленной Фаншетты. После ареста Гордеева сейф был взломан вторично. На этот раз дактилоскопия показала на сейфе отпечатки пальцев уже не Гордеева, а вора-рецидивиста Семьи Кабанчика, несколько дней до этого погибшего под колёсами трамвая. Во время загородной поездки на охоту Нил Кручинин был ранен выстрелом из ружья. Стрелявший скрылся. По кусочкам пыжа удалось различить инвентарный номер 3561 книги, из которой был сделан пыж. Оказалось, что книга эта принадлежала Вадиму Гордееву. Кручинин подозревает в соучастии в преступлении возлюбленную Гордеева — Фаншетту. При посещении Фаншетты он обнаружил волос из бороды сидящего шатена. Фаншетта говорит, что у неё недавно был в гостях её брат. В тот же вечер Кручинин вместе с Фаншеттой отправляются на квартиру этого брата.

ЧЕЛОВЕК СО СТЕКЛЯННЫМИ ГЛАЗАМИ

Дом на Мясницкой занимал задворки чуть ли не целого квартала. Виднелось не меньше десятка подъездов.

Хотя пятнадцать минут тому назад Фаншетта заявила, что нетвёрдо помнит адрес брата, теперь она совершенно уверенно шла к подъезду и спокойно поднималась по лестнице.

По брошенному мне выразительному взгляду Кручинина я понял: уверена, что «братец» улизнул.

«Тем хуже для нас», — подумал я.

Едва Фаншетта дотронулась до кнопки звонка, как дверь распахнулась. Перед нами был мрачный зев совершенно тёмной прихожей.

Фаншетта отшатнулась, словно никак не ожидала, что дверь может открыться. Кручинин смело шагнул в темноту. По выработанной у нас с Кручининим системе я тотчас остановился так, чтобы загорудить выход, но дверь и без того уже захлопнулась за моей спиной. Одновременно в передней вспыхнул свет, и мы очутились лицом к лицу с сухошавым мужчиной среднего роста. Его бледное лицо с правильными энергичными чертами было обрамлено аккуратно подстриженной бородой. Лишённые всякого выражения серые глаза хозяина неподвижно устремились в лицо Кручинина.

— Вы удивлены? — спокойно спросил Кручинин.

Хозяин ничего не ответил.

— Мы ворвались к вам так неожидан-но... — сказал Кручинин.

Хозяин посмотрел на прижавшуюся

спиной к притолоке Фаншетту. В его холодном взгляде попрежнему не было ясно выраженного настроения или мысли, но, честное слово, я не хотел бы быть на месте нашей дамы.

Кручинин бросил шляпу на крючок и, ошеломляя меня непринуждённостью тона, обратился к незнакомцу:

— Посидим, поболтаем.

Фаншетта всё стояла у притолоки с судорожно сцепленными пальцами рук, с опущенным взглядом. Кручинин взял её под руку и остановился в ожидании, пока пройдёт в комнаты хозяин. Тот, продолжая сохранять молчание, толкнул дверь и, не оборачиваясь, вошёл в первую комнату. Это было что-то вроде рабочего кабинета, выполнявшего в то же время функции столовой, или, наоборот, столовая, одновременно служившая рабочей комнатой.

Пройдя несколько шагов, хозяин приостановился и через плечо вопросительно глянул на Кручинина.

— Если вы не возражаете... — сказал Кручинин, оглядывая комнату, — мы посидим пока здесь... Ведь мы не задержимся.

Он придвинул к себе стул и жестом пригласил остальных занять места. Фаншетта в полном бессилии упала на стул и закрыла руками лицо. Хозяин продолжал стоять, опершись на спинку стула. Он больше ни на кого не глядел. Его глаза были устремлены куда-то в центр обеденного стола.

Хотя обстоятельства, казалось, были мало подходящими для подобных экскурсов в область психологии, я не мог отделаться от преследовавшего меня желания разгадать выражение его прокля-

тых глаз. И я почувствовал подлинное облегчение, когда вдруг нужное определение пришло: опустошённость. Душа стоящего передо мной человека была опустошена. В ней не было ни любви, ни ненависти, ни страха, ни каких бы то ни было иных чувств — она была пуста. Она была мертва. Передо мной стояло живое существо с мозгом, но без души, с мыслями, но без чувств.

— Ну, что ж, — произнёс Кручинин. — Может быть, кто-нибудь из вас заговорит первым? — Он обратился к Фаншетте: — Вы?

Не отнимая ладоней от лица, Фаншетта в смятении замотала головой.

— Прежде всего мне нужны... перчатки из свиной кожи, — спокойно сказал Кручинин.

Фаншетта взглянула было на обладателя бороды, продолжающего молча, неподвижно стоять, но тотчас, словно спохватившись, отвела взгляд. Однако этого было достаточно, — Кручинин уверенно обратился к хозяину:

— Давайте перчатки!..

Тот продолжал стоять всё в той же позе равнодушной задумчивости. Если бы до этого мы не убедились в его способности слышать, я готов был бы теперь поручиться, что перед нами глухонемой.

— В прихожей — телефон, — сказал мне Кручинин. — Вызови людей для обиска и ареста.

Я пошёл было к аппарату, но тут же убедился, что провод оборван, и телефон не работает.

— Ничего не подделаешь, — сказал Кручинин, — придётся совершить некоторые процессуальные нарушения. Готов за них ответить. Кажется, игра стоит свеч.

Он быстрым движением положил на стол руку, которую держал до того времени в кармане пиджака: в ней был пистолет.

— Можете не бояться вашего «брата», — сказал Кручинин Фаншетте, — покажите моему другу, где лежат перчатки.

Она недоумённо покачала головой:

— Не знаю... я здесь ничего не знаю.

Кручинин быстро подошёл к ней и, взяв её правую руку, поднёс её к самым глазам Фаншетты.

— Это вы видите? И это? — он по очереди показал ей указательный и средний пальцы её собственной руки. — Гравировкой вы занимались не дома. Правда? Здесь, да?.. А теперь понюхайте, — и он бесцеремонно поднёс её руку к её же носу. — Даже духи не убили запаха каучука, с которым вы работали.

Она сидела, как поражённая промом. Её широко раскрытые глаза, полные слёз, были устремлены на Кручинина; губы ещё пытались лепетать:

— Я ничего не знаю...

Но Кручинин твёрдо спросил:

— Где перчатки, в которых работал он? Где принадлежности вашей работы? В ваших интересах сказать это теперь же. Если я найду их сам...

Её полный ужаса взор обратился к хозяину, но тот оставался всё таким же безучастным, холодным, со взглядом, устремлённым на скатерть. Только тонкие длинные пальцы его больших сильных рук сплелись так, что побелели суставы.

Фаншетта нерешительно поднялась и, шатаясь, как пьяная, подошла к стоящему у стены рефрижератору. Но, прежде чем она успела дотронуться до его

¹ Окончание. См. № 1, 2, 3-4 и 5-6.

ручки, я был рядом с ней. Я не доверял ей. Кто знает, что скрывалось в этом воображаемом холодильнике?!

Раньше чем открыть шкаф, я внимательно осмотрел его. Это был рефрижератор предвоенного производства Харьковского тракторного завода. Очевидно, передо мной был самый безобидный холодильник. Я потянул ручку дверцы, она распахнулась, и я остолбенел: из холодильника повалил густой, удушливый дым. Из нижнего отделения било пламя. Комната сразу наполнилась запахом палёной резины и характерной вонью горящего целлюлоида. Но мне некогда было анализировать запахи. Я схватил первое, что попало под руку, и выгреб из шкафа всё его содержимое. В ярком пламени я увидел догорающую киноплёнку. На пол со звоном падали мелкие металлические предметы, тлеющие деревянные чурбачки, кусочки линолеума, несколько листов расплавившейся по краям резины — целое оборудование штемпельной мастерской. Из верхнего отделения я извлек набор отмычек и портативный аппарат для резки металла.

— Если бы вы не помешали мне открыть шкаф, — с укоризной сказала Фаншетта, — пожара не случилось бы.

— Не беда. Главное цело. Теперь дело за перчатками, — сказал Кручинин таким тоном, словно в происходящем не было для него ничего неожиданного.

Фаншетта подошла к письменному столу и под моим контролем осмотрела ящики. Перчаток не было. Мы прошли в соседнюю комнату, служившую спальней, осмотрели платяной шкаф, ночной столик, — перчатки исчезли. Я ощупал одежду, висющую в шкафу, и в кармане тёмносерого пальто из плотной гладкой ткани обнаружил, наконец, то, что так настойчиво искал Кручинин, — жёлтые перчатки свиной кожи. На них виднелось несколько капель приставшего стеарина. Я не без торжества бросил эти перчатки на стол между Кручининным и сидящим напротив него хозяином квартиры. Он не пошевелился и тут.

— Кажется, всё, — произнёс Кручинин, поднимаясь.

Не ожидая приглашения, поднялся и хозяин. Вся его фигура выражала покорное равнодушие.

По приказанию Кручинина я тщательно собрал с пола всё, что выгреб из холодильника: принадлежность взлома и все приспособления для гравировки и изготовления каучуковых клише — и для очистки совести ещё раз осмотрел всю внутренность рефрижератора. И не напрасно: в его верхнем отделении, там, где находится испаритель и царит наиболее низкая и постоянная температура, я увидел... два человеческих пальца. Да, это были самые настоящие пальцы — указательный и средний. Они были отсечены на середине третьей фаланги.

Когда я показал их Кручинину, он радостно рассмеялся:

— Выяснено последнее звено. Я подозревал что-либо подобное, но надеяться, что найду когда-нибудь настоящие пальцы Семы Кабанчика, конечно, не мог. — Он обратился к хозяину: — Зачем вы их хранили? Разве не разумнее было бы выкинуть пальцы, изготовив с них клише, как вы изготовили клише с оттисков тех людей, которым принадлежали вещи, собираемые вашей «сестрицей».

Хозяин даже не обернулся. Он глядел в сторону, как будто речь шла не о нём.

— Что ж, можем идти, — сказал Кру-

чинин, и наша процессия с Фаншеттой впереди направилась к выходу. Я шёл вторым. За мной хозяин. Последним Кручинин с пистолетом в руке.

Вдруг Кручинин остановился.

— Нет, — сказал он в сомнении, — пожалуй, неразумно всё-таки оставлять дело до последующего обыска. Придётся задержаться до тех пор, пока мы не отыщем «Прыжок за борт». Он мне нужен. Ищите!

Фаншетта нехотя принялась мне помогать. Мы пересмотрели все книги. И лишь совершенно случайно, передвигая кастрюлю, мешавшую мне заглянуть в кухонный шкаф, я увидел, что подставкой служит ей переплёт книги. Под слоем

В ярком пламени я увидел догорающую киноплёнку.

сажи, оставленной донышком кастрюли, я не без труда различил заглавие: «Прыжок за борт».

Увы, это были лишь жалкие остатки книги. Никакого штемпеля на переплёте не было, ни рукописного номера — решительно ничего, что позволило бы идентифицировать книгу.

— Значит, нужно искать, — с упорством повторил Кручинин.

Наконец, в уборной я увидел на крючке пачку листов. Я лихорадочно перебирал листки, стараясь понять, являются ли они частью нужной книги. И о радости! Это, несомненно, была вся вторая половина «Прыжка за борт», начиная со 121-й страницы. Я с нетерпением перебрал страницы: 137-я — 138-я не было. Соседние налицо; место обрыва ясно видно. Больше ничего мне не было нужно.

Я с торжеством принёс книгу в столовую. Напоследок Кручинин не мог отказать себе в удовольствии. Он сказал хозяину:

— Покажите ваши ладони.

Тот послушно, как автомат, обернул руки ладонями вверх, и я отчётливо увидел резкий белый шрам в виде полумесяца на большом пальце правой руки.

— Благодарю вас, — любезно сказал Кручинин, и мы двинулись в путь.

ПУТЬ МЕРТВЕЦА К МОГИЛЕ

Что мне, собственно говоря, рассказывать об этом случае? Разве только дать несколько разъяснений тому, как Кручинин пришёл к квартире бородатого человека. Постараюсь, насколько могу точно, передать всё, что объяснил мне сам Нил Платонович.

Начинать нужно с жёлтых перчаток. Именно они послужили первым поводом к тому, что Кручинин заподозрил участие Фаншетты в совершенном преступлении. Зная, что мужа Фаншетты нет в Москве, зная об отношениях этой женщины к Гордеевым и увидев у неё на роyle мужские перчатки, Кручинин вполне закономерно предположил, что они принадлежат Вадиму, но стоило прикинуть их на руку, как Кручинин, поняв, что ошибся: перчатки были велики даже ему, а у Гордеева рука была ещё меньше. И сам Гордеев отрицал наличие у него таких перчаток. Фаншетта же сказала, что их был именно он.

Это показалось Кручинину подозрительным, и с этого момента он стал критически относиться ко всему, что говорила Фаншетта. Подозрение перешло в уверенность, что она лжёт, когда она категорически опровергла признание Гордеева о том, что он был у неё. Позднее, при осмотре стеариновых следов на месте второго ограбления, помимо оттисков пальцев вора, погибшего под трамваем, Кручинин обнаружил едва уловимую, но достаточно характерную сетку, свойственную естественному сорту кожи — свиной. Ещё раз внимательно исследовав следы, оставленные при первом ограблении, он и там обнаружил тот же рисунок, кроме пальцев Гордеева... Кручинин не случайно пожелал снова увидеть жёлтые перчатки: на них должны были остаться следы стеарина. Но, как вы помните, при вторичном посещении Фаншетты перчаток уже не оказалось. Кручинин пришёл к уверенности, что они побывали в работе уже после ареста Гордеева.

Однако он ещё не решался сделать окончательный вывод о соучастии Фаншетты, пока не нашёл второго совпадения: след пальца на полях страниц 137-й—138-й, восстановавшихся из пыжа, был оставлен ореховым маслом. Ореховое масло употребляется для изготовления халвы. Халва всякий раз появляется на столе Фаншетты. Значит, либо книга Комрада принадлежала ей, либо человек держал эту книгу в руках, будучи у Фаншетты. Вывод: она знала стрелявшего. Наиболее вероятным было предположить и то, что книга эта попала к стрелявшему именно через Фаншетту. А когда выяснилось, что первоначально книга принадлежала Гордееву, это предположение перешло в уверенность: стрелявший взял книгу у Фаншетты. Почему же она, если похититель книги сделал это без её ведома, не сказала об этом Кручинину? Да потому, что хотела, чтобы виновным в преступлении был признан Гордеев.

Дальше: при втором ограблении остались следы мёртвого вора. Сначала это обескуражило и Кручинина. Но когда он несколькими последовательными ходами пришёл к тому, что следы эти оставлены указательным и средним пальцами, а на руке погибшего Семы Кабанчика не оказалось именно этих пальцев, стало ясно и это звено. Оно и помогло раскрыть метод, применённый преступником и в первом случае: он умышленно оставлял сле-

ды чужих пальцев. Кручинину не пришлось бы это в голову, если бы не следы мертвеца, но теперь, проверив отпечатки Гордеева на стеарине со взятыми у него новыми отпечатками с натуральных пальцев, он обнаружил несколько более глубокий рисунок первых. Кое-какие мельчайшие детали кожного рисунка расплылись. Следы были воспроизведены... искусственно. Кручинин тогда не мог ещё себе представить, как именно, но когда поставил прошлую профессию Фаншетты — гравёрное дело — с лёгким запахом каучука, исходившим от её пальцев, когда он, здороваясь, прикоснулся к ним губами, стал более или менее ясен и технический исполнитель клише — сама Фаншетта.

Наконец, последнее немаловажное обстоятельство: в обоих случаях были вскрыты не те сейфы. Значит, преступнику нужны были вовсе не деньги. Почему же тогда из вскрытых шкафов ничего не пропало? Да потому, что преступнику достаточно было сделать фотографические снимки с интересовавших его документов. Он не был ни грабителем-уголовником, ни государственным шпионом какой бы то ни было иностранной державы. Это был совершенно новый для нашей практики разведчик крупного капиталистического концерна, не в меру интересующегося той областью, к которой относилась деятельность данного института. А область эта — геология, более узко — редкие металлы. Случайно ли поэтому, что в его холодильнике, служившем своеобразным сейфом для воровского инвентаря, когда я нечаянно включил «аварийное» приспособление, предназначенное для уничтожения следов его деятельности, первыми загорелись именно плёнки.

— Да, — воскликнул я в сомнении, — но почему ты знаешь, что было на этих

плёнках? Может быть, портреты фашистов? Плёнки сгорели.

— Это очень хорошо, что они сгорели, — значит, разведчик не сумел отравить их своим хозяевам. А что на них могло быть, ты сейчас узнаешь.

Кручинин позвонил по телефону следователю и спросил, удалось ли найти в квартире преступника фотокамеру. Да, её нашли. Проявив ленту, увидели кадр за кадром скопированное геологическое описание одного из наших интереснейших месторождений редчайших металлов.

— Ещё вопрос, — сказал Кручинин, — как он проводил съёмку, в темноте?

— О, — ответил следователь, — чрезвычайно интересный приборчик, насаженный на камеру и позволяющий производить фотографирование при инфракрасных лучах.

— Все ясно, благодарю. — Кручинин бросил трубку и посмотрел на меня: — А тебе теперь всё ясно?...

— Кроме одного: зачем ты позволил Фаншетте предупредить «брата» по телефону, о нашем приезде?

— Она предупредила бы, если бы я не вынул вилку из телефонной розетки за диваном на словах «Я еду к тебе». Остальное он уже не слышал... Да... преступление нашего мертвеца — человека со стеклянными глазами — заключалось в том, что он попытался вылезть из могилы, где ему надлежит пребывать и куда мы с тобой его и вернули.

Не знаю, стоит ли говорить, что результатом стараний Кручинина было немедленное освобождение Гордеева. Пока я не знаю, вернулся ли он к Нине, стал ли снова спокойным, трудолюбивым работником, каким был до знакомства с Фаншеттой. Мы с Кручинным не стали ждать конца дела и, собрав чемоданы, отправились в Воронежскую область на

берег небольшой тихой речушки. Он — для того, чтобы ловить раков и писать свои этюды; я — для записи рассказанного вам случая.

Однажды, когда мы сидели на тенистом берегу тихой речки, заросшей густым ивняком, случайно глянув на Кручинина, я заметил у него в глазах выражение такой грусти, какого никогда раньше не выдавал.

— Что с тобой? — воскликнул я с беспокойством.

Он смотрел на меня несколько мгновений так, словно только что очнулся от забытья и не мог сообразить, где находится. Впрочем, это быстро прошло. Через минуту он, как всегда, владел собой и говорил со мной обычным снисходительно-ироническим тоном.

Но вечером я снова поймал его на такой же рассеянности. Это было необычно и странно.

Понадобилось несколько дней тщательного наблюдения за Кручинным, чтобы узнать причину его подавленности. Я понял, что и самая-то поездка в эту глушь понадобилась ему для того, чтобы кое-что забыть, — я подглядел, как он разорвал и выкинул в печку какой-то листок.

Печка давно не топилась, и я без труда извлёк из неё и собрал воедино клочки... разорванной фотографии. Это был портрет Нины. Мне стало ясно всё. С того самого момента, как он согласился принять участие в деле Гордеева, на всём протяжении поисков, проведённых с такой настойчивостью, чтобы доказать невиновность Вадима, предательски отбившего у него невесту, Кручинина не покидала надежда на возвращение Нины. Хотя он не мог не знать: добейся он оправдания Вадима, и Нина потеряна для него навсегда. Но ведь и это — ради счастья Нины. И он его добился. С риском для жизни.

Конец.

Примечания:

1. Текст повести Ник. Шпанова «Желтые перчатки» с рисунками художника Г. Храпака приводится по публикации в журнале «Красноармеец» 1946 г. №1 (с. 20-22), №2 (с. 21-23), №3-4 (с. 28-30), №5-6 (с. 29-31), №7-8 (с. 29-31).

2. Первая книжная публикация повести была в книге Н. Шпанова «Искатели истины» (1955 г.). В книжном варианте она называлась «Личное счастье Нила Кручинина».

3. В 1945-46 г.г. в журналах «Огонёк» и «Красноармеец» были опубликованы три первые повести Н. Шпанова, главным героем в которых был Нил Кручинин: «Тайна трёх» («Огонёк», 1945 г., №№34-38), «Похождения Нила Кручинина» («Красноармеец», 1945 г., №№ с 11-12 по 15-16) и «Желтые перчатки». Когда эти повести вышли книжным изданием, они изменили свои названия: «Тайна трёх» — имела два варианта названия «Это было на Севере» (отдельное издание, М: Воениздат, 1954) и «Дело Оле Ансена» (сборник «Искатели истины» и все последующие переиздания), «Похождения Нила Кручинина» — «В новогоднюю ночь» (сборник «Искатели истины» и все последующие переиздания). Кроме изменения названия в повестях автором был произведён ряд изменений, наиболее заметным из которых является изменение роли рассказчика. В журнальных публикациях повествование ведётся от первого лица, при этом рассказчик является другом Нила Кручинина и активным участником описываемых событий. В книжных публикациях появляется персонаж, которого зовут Грачик (он же Сурен Тигранович Грачян) — он становится другом Нила Кручинина и участником описываемых событий. А рассказчик удаляется, повествование ведётся в третьем лице.

4. При сканировании документа со страниц были удалены тексты, не имеющие отношение к публикации. Сканирование производилось с разрешением 600 DPI. В pdf-файле имеется слой с распознанным текстом, в распознанном тексте имеется некоторое количество ошибок распознавания, которые не исправлялись.

Сканирование, подготовка документа и составление примечаний — Максим Безгодов.
22 декабря 2010 г.